

ПОЛЕВОЙ СУДЬЯ

Передачу «Эх, Семеновна!» больше всего любят дети

Независимая газ. - 2000. - 16 сент. - с. 12

Марина Голуб окончила Школу-студию МХАТ. Работала в театре «Сатирикон», успев застать еще Аркадия Райкина. Десять лет играла главные роли в театре «Шалом». Сейчас ее можно увидеть в спектаклях МХАТа имени Чехова «Самое главное», в «Необыкновенном сеансе» в антрепризе Михаила Козакова и в «Борисе Годунове». Деклана Доннеллана (проект Международной конфедерации театральных союзов). Ведет программу «Эх, Семеновна!» (АТВ по заказу ОРТ).

С КАЖИТЕ, Марина, откуда вообще появляется любовь к частушке?

— Наверное, начать надо с того, что передача появилась по инициативе Анатолия Григорьевича Малкина, который возглавляет АТВ. В частушке есть что-то спортивное, что-то такое быстрое, заводное, внутри частушки разгораются такие страсти! Кажется, был у Малкина разговор с Марком Захаровым, когда кто-то из них сказал, что народ «созрел» для частушки — чтобы петь ее прилюдно и по Центральному телевидению. Народ выражает так свое отношение к жизни. Моя бабушка, которая жила далеко от столицы, вообще всегда говорила в рифму, и вся ее речь была похожа на частушку: «Я на вас наляжусь и спокойно спать ложусь». Или: «Зря не пью на стол — ток в чашку». А я сама ощущала в себе сочетание нескольких начал — и драматического, и шоуменского, и народного. Я очень хотела работать на телевидении, вести какую-то передачу... Да как-то все не подходило мне, меня много раз пробовали на разные передачи, но даже мне самой все это не нравилось. Когда Малкин начал придумывать передачу, он вспомнил, что есть такие частушки о Семеновне, в каком-то смысле «основные», в которых поют про некую русскую женщину, олицетворяющую русской души, к ней обращаются, а она и это, и то, и в самолете, и готовить умеет...

— И тут вспомнили, что идеалом русской женщины является Элина Авраамовна Быстрицкая и стали соответствующую ведущую...

— Да-ла-ла... Когда Ульянов играет Тевье-молочника, он хороши не потому, что в нем нет еврейской крови. Хороший артист должен уметь сыграть человека любой национальности, понять природу души какого-то национального типа или колорита. Во мне течет много кровей: русские корни по маме, прабабка, говорят, была любовницей Толстого, по отцовской линии есть и польская, и еврейская, и украинская кровь. Я это очень чувствую. Мы живем в деревне в Поленово, где жизнь совсем другая, отличная от Москвы, там живут простые бабки и тетки, которые приходят к нам, поют, разговаривают. — я это очень люблю!.. Я не была единственной ведущей, пробовали массу актрис, но меня они видели, поскольку я у Олега Марусева провела несколько передач «Пойми меня». Может быть, мой залор их и привлек. А когда меня стали пробовать с текстами, несколько актрис, которые меня увидели, даже отказались от проб. Сказали, что Голуб — то, что нужно.

— А внешний вид откуда такой возник?

— Я сама придумывала себе имидж. Не в смысле, что я сама себя рисую, но я сама придумываю костюмы, и даже когда обращаюсь к художникам, я прихожу к ним со своими идеями — из какого материала будем шить и как будем делать.

— Ну, а шьет-то кто?

— Есть вещи из подборки: мы ходим по магазинам, собираем — там шарф, тут — юбка. Для первой передачи мне Слава Зайцев давал костюмы. Он предлагал какие-то варианты, и они были очень удачные. Сейчас я работаю с другими художниками, с которыми мы вместе придумываем костюмы.

— Образ такой разбитной Семеновны в жизни вам не мешает?

— Нет. Я в жизни достаточно заводной и веселый человек, хотя с годами, может быть, притушивается это. снижается градус. Мне дают

тексты, все подводи, но я по ходу что-то меняю, а когда вхожу в раж, во мне просыпается что-то бабушкино, и я начинаю в рифму говорить, отвечать всем и петь со всеми... Какой-то дискомфорт внутри есть от того, что мне говорят иногда: «Что же это у вас там, такие слова бывают?! Прямо так...» Это ханжество. Жизнь пошла и мерзопакостнее самой неприличной частушки, и по телевизору иногда я вижу такие вещи, которые просто нельзя давать ни под каким соусом, поскольку они психологию уродуют. И вдруг зрители реагируют на крепкое словцо. Особенным ханжеством отличаются крупные города, потому что Россия относится к передаче прекрасно, там передача нравится, ее буквально обожают, там говорят: вот это — наш темперамент. Частушка для русских — все равно, что для испанцев — коррида. Весь мир возмущается, как испанцы убивают животных (это при живом-то короле!), но такой у них на-

так много, что сразу после этого я сыграла в фильме у Орлова сложнейшую женскую роль. Семеновна — это один из компонентов моей жизни, для меня он был необходим. Малкин рискнул, когда меня пригласил вести передачу... Я боялась, что ее закроют. Не закрыли. После того как передача стала более острой, скажем так, в сексуально-политическом смысле, рейтинг резко повысился, народу стало еще интереснее. Этот год я прожила не то, чтобы плодотворно, — я за год стала популярным человеком. Меня любит народ, воспринимает как свою.

— Надолго ли приезжают ваши команды в Москву?

— У нас три съемочных дня, но у них еще есть какое-то время на репетиции — выходит дней пять. Их расселяют, кормят, передача получается недешевая... Два часа съемок, минут двадцать перерыв, я меняю грим, костюм, получаю новый текст и следующая. Во время ре-

петитий прослушиваются все, так что основной репертуар известен. Мы обязательно просим кое в чем себя ограничивать, да они и сами понимают, что передачу смотрит вся страна. А главное их смотрят в их уездах и деревнях. Одна левушка у нас такое спела, что ее уволили с работы за то, что она «область опозорила»... Они звонили нам, просили помочь, и им туда звонили... Когда они снова приехали в этом году, все частушечки у них были приписанные, ни одного матерного словечка... Правда, было скучновато. Честно говоря, я никогда не думала, что наш народ так «сексуально ориентирован». Все, что касается отношений между мужчиной и женщиной, поется с таким смаком и мусолится во все стороны... Если совсем идет что-то неприличное, это закрывается каким-нибудь «кукареку». Когда идет явная рифма и смысл ясен, мы просим не допевать до конца.

— Не будет ли ваша передача снова передвинута в вечерний или ночной эфир?

— Я думаю, что долгое время на телевидении не знали, куда нас деть. Считали, что это — «русский секс», и поэтому сначала поставили чуть ли не на начало первого. В некоторых регионах нас просто не могли смотреть. Куда бы я ни приехала, меня всюду спрашивали про передачу... Почему-то всегда говорили, что дети ждут передачи, не спят. А мы вроде как специально все делали, чтобы все дети успели заснуть... Потом, наверное, привыкли и вдруг переставили на час дня. Думаю, что больше уже переделывать не будет, найду такое вот «аккуратное» место.

— А как находят новых участников?

— Этим занимаются редакторы... Сейчас проще, люди звонят. Я была на гастролях в Орле, после спектакля ко мне зашли люди, спрашивали, как можно к нам попасть. Малкин с самого начала хотел, чтобы была еще и какая-то наша профессиональная команда. Но вот была у нас команда театра «Летучая мышь», которая забила по мату всех приезжих...

— Бывает ли, что участникам предлагают спеть какие-то частушки, не ими сочиненные?

— Нет. Вот в финал выходят две команды. Только что они спели полуфинал, теперь они выиграла, и сейчас им нельзя повториться. На ходу им приходится что-то сочинять. Это все равно, что выточить деталь какую-то и предложить ее кому-то, чтобы он ее представил как свою. А он — суперпрофессионал в этом деле. Он скорее откажется от выступления. Они же живут этим! К нам приезжали бабка с дедом, которые живут в каком-то лесу, молятся колесу, непонятно, чем они там питаются. Но поют частушки: «Эй, бабуля, ты давай, не то — чай заваривай!» — «Да пошел ты, старый дед! Сам ты сделаешь...!» — так они общаются друг с другом, просто так они не разговаривают. Он ей частушку, она ему — другую. Они всех положили на обе лопатки. У нас есть конкурс «Стенка на стенку», и ей там что-то обидное сказали, и она завелась так, что ее остановить было нельзя. Мы не знали, что делать! Здрово! Это же нигде не куплено, ни в какой Америке не позаимствованное, это — наше, нигде больше такого нет.

— А не было так, чтобы кто-то приехал и записал на весь срок репетиций и съемок?

— Не записывали. Приезжают люди талантливые. Кроме того, отбор идет еще до того, как люди приезжают. Нам присылают фотографии, кассеты. Мы видим: вот он с женой, с детьми. И уже примерно знаем, кто приедет. Конечно, они нервничают и, бывает, немного примут перед выходом на площадку. Но это только кураж придает. Есть у нас такой Коля, здоровый мужик, который поет с медленным отягом, как бы проговаривает свою частушку с хлестким последним словом... Так вот у него появляется такая особого рода вялость, медлительность с особым же куражом... Ты не представляешь, что происходит, когда мы заканчиваем снимать передачу. Они выкладывают на стол свои грибочки, помидорчики, огурчики, наливочки, все немножко выпивают, становятся все в круг и начинают друг перед другом петь частушки. Ведь раньше так и было! Бабушка мне рассказывала: выходили на вечерку, и каждому надо было встать лыко в строку. Ты мне частушку, а я тебе ответил. И — кто остроумнее. Форма спортивного соревнования. В передаче все это есть — все, что нужно для игры: есть две команды, есть комментатор за кадром, и есть полевой судья. Со свистком. Это — я.

Главная частушечница российского телевидения. Фото Владимира Чистякова

циональный «прибамбас». А у нас — другой. Всегда найдется тот, кто будет недоволен и будет говорить, что это плохо, и как же вы воспитываете население. А население уже так воспитали, что дальше ехать некуда.

— И нет никаких запретов?

— Конечно, наряду с вещами талантливыми случаются и неудачи, и я всегда прошу редактора какие-то частушки убирать. Пошлости быть не должно. Но, скажем, когда роскошные тетки из Брянска в свои 70—80 лет с таким юмором и такие тонкие частушки пели... Тогда даже крепкое слово в их устах звучит красиво и кстати. Бывает, что члены жюри заводятся, начинают петь такое, что мне приходится их останавливать, поскольку они перекрывают нас по всем номинациям. Арканов с ходу стал писать частушки, уже ни на что не смотрит, тут же начал петь свои...

— Но Семеновна не мешает пока другим вашим ролям?

— Да нет. Я умею меняться. Те роли, которые мои, остаются моими. Веселье, громкие или другие, всегда — сильные женщины, наверное, тех женщин, которые во мне существуют.

— Но Деклан Доннеллан, который пригласил вас на роль Хозяйки корчмы, видел ваши передачи?

— Он не видел ничего. Он сказал: «Мне нужна Хозяйка корчмы». И даже не знаю, почему и кто предложил ему попробовать меня. Потом мне рассказали, что, когда я вошла, он сказал: «Ну, вот, ребята, вошла Хозяйка корчмы». Это был момент в моей жизни, когда я говорила, что выросла из всех своих штанов, моя карьера складывается сложно и какими-то странными путями она движется... Я уже ведь взрослый человек, а в моей жизни все только начинается. Хотя когда-то я заканчивала Школу-студию как лучшая студентка, и про мои дипломные спектакли писали в газетах. Меня приглашало несколько театров, а потом я, как говорится, зависла... Мне хотелось какого-то эксперимента, какого-то режиссера, который бы открыл что-то новое. Возник Доннеллан, работа с ним да-